



Елена СТРУТИНСКАЯ

БЛИКИ ВРЕМЕНИ

НА ВЫСТАВКЕ «БДТ. ПОЧТИ ВЕК»
В ТЕАТРАЛЬНОМ МУЗЕЕ ИМЕНИ А.А. БАХРУШИНА

Столичные выставки бывают яркие и скандальные, бесцветные и банальные, а лучшие из них привлекают гармонией, достоинством, информативностью, точным пониманием задач экспозиции и способа подачи материала – такова выставка, посвященная 95-летию БДТ им. Г.А. Товстоногова, прошедшая в музее имени А.А. Бахрушина в марте этого года.

Москвичам повезло: любители театра и поклонники БДТ получили уникальную возможность увидеть эскизы художников А. Бенуа, В. Шуко, К. Петрова-Водкина, Ю. Анненкова, В. Дмитриева, М. Левина, Л. Чупятова, В. Рындина, А. Тышлера, С. Юнович, Э. Кочергина, Д. Боровского, А. Орлова и И. Чередниковой, М. Азизян... Редкие фотографии сцен из спектаклей и репетиций. Макеты, костюмы, бутафорию знаменитых постановок театра, никогда до этого не покидавшие стен театра на Фонтанке.

Коллекция Большого Драматического театра – одна из самых интересных и полных среди петербургских притеатральных музеев. Она удивительным образом без потерь пережила страшное блокадное время, выдержала музейные чистки 1930-50-х годов, когда из фондов изымались эскизы эмигрантов и «формалистов», репрессированных художников и фотографии артистов (по тем же причинам). Музей, ровесник театра, все годы существования трепетно сохранял материальные свидетельства его истории. В доме на Фонтанке чтители и помнили «родство». Фойе бельэтажа БДТ всегда окружала прекрасная экспозиция. Собранными в ней шедеврами декорационного искусства могли бы гордиться Русский музей или Третьяковская галерея. Зрители, пришедшие на спектакль, прикасались к истории театра и нашей культуры в целом.

И вот теперь многое из этого замечательного собрания мы видим в Москве, в

Театральном музее имени Бахрушина. Не было бы счастья, да несчастье помогло. Уже четвертый сезон идет капитальный ремонт и реставрация театра. Руководство ГЦТМ имени А.А. Бахрушина воспользовалось случаем и предложило провести выставку к 95-летию театра в Москве, в знаменитом «Лужнецком» зале дома Бахрушина, пока музей БДТ готовится занять свое привычное для зрителей место в отреставрированном театре.

К открытию театра сотрудники музея БДТ в главе с его директором В.Н. Капланом формируют новую экспозицию. Московская выставка стала своего рода репетицией, проверкой ее концепции, созданной петербургским искусствоведом Надеждой Хмелевой, автором альбома «Художники БДТ».

Экспонировать театральные артефакты задача непростая. Нужно не просто расставить на видных местах красивые вещи, но воссоздать «дух театра», передать живые блики театрального представления, радовавшего зрителей много лет назад. А для этого – сочинить из оставшихся от легендарных спектаклей фотографий, эскизов, макетов, бутафории и костюмов своего рода новый спектакль. Развертывание музейной экспозиции в чем-то подобно развитию сценического сюжета.

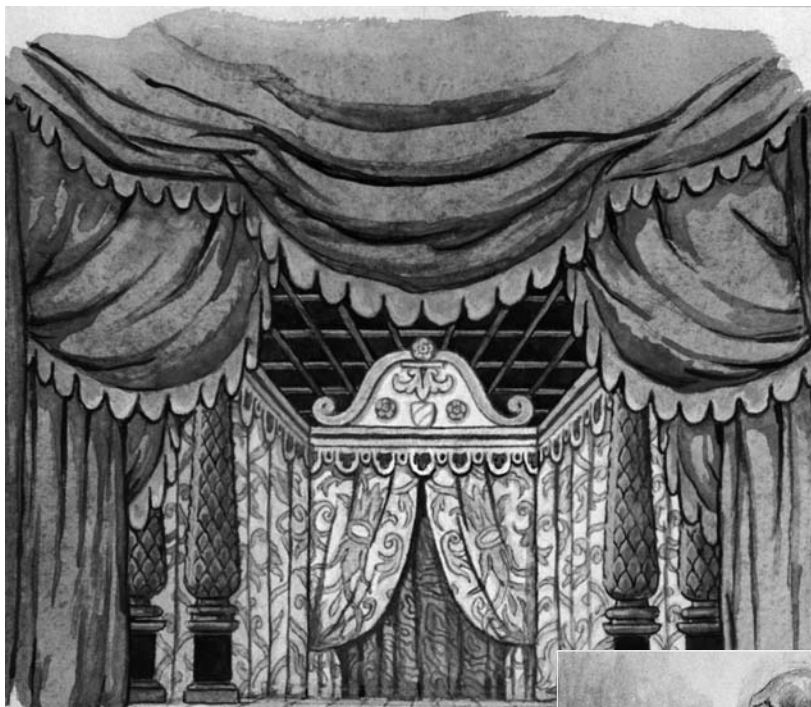
За свою 95-летнюю историю БДТ дважды достигал творческих вершин – с начала 1920 до середины 1930-х годов и затем с конца 1950-х до середины 1980-х. В это время в его спектаклях зрители обретали духовную поддержку, находили отражение своих чувств и чаяний, улавливали биение пульса эпохи.

Демонстрация этих периодов взлета БДТ, его творческого триумфа стала основой экспозиционного решения.

На противоположных стенах большого зала разворачивается визуальная летопись двух

Pro настоящее

ВМ



В. Щуко.
Эскиз декораций
к спектаклю «Дон
Карлос», 1919

К. Петров-Водкин.
Эскиз костюма Карелы
к спектаклю «Борис
Годунов», 1923
Музей БДТ имени
Г.А. Товстоногова,
Санкт-Петербург

грандиозных театральных эпох – два визуальных потока ведут свое повествование.

Слева – эскизы, макеты, фотографии сцен из спектаклей, поставленных А. Лаврентьевым, А. Бенуа, К. Хохловым, К. Тверским, П. Вейсбремом, В. Люце. Яркие, острые, экспрессивные, они притягивают взгляд, поражают неповторимостью образных решений, передают дух и ритмы, стилевое разнообразие своего театрального времени.

Навстречу им справа возникают спектакли Г. Товстоногова. Для многих посетителей они еще живы в памяти: «Идиот», «Три сестры», «Мещане» и «Ханума», «Генрих IV», «История лошади»...

Завершающий аккорд выставки – малый зал: последние творения Товстоногова, постановки приглашенных им в БДТ режиссеров, страницы посттовстоноговской истории БДТ.

Решение точное по замыслу, отбору экспонатов и композиционному воплощению. Из обширного репертуара отобрано двадцать шесть спектаклей, от первой премьеры БДТ – трагедии Шиллера «Дон Карлос» (1919),



Выставки



В. Дмитриев.
Эскиз декорации
«День. Площадь Кьяро»
к спектаклю «Корона и
плащ», 1924

Н. Акимов.
Эскиз костюма Генриха
(Гарри) к спектаклю
«Сэр Джон Фальстаф»,
1927

Музей БДТ имени
Г.А. Товстоногова,
Санкт-Петербург

до последней – «Алисы» (2014), завершающей экспозицию.

Каждый объект, будь то фотография, эскиз, макет, костюм или предмет театральной бутылки, своей подлинностью работает на создание образа времени, в котором родился спектакль, а все вместе они складываются в портрет театра, представляющего перед зрителями в его неповторимости.

Как и положено в традиционном театре, все начинается с представления действующих лиц. У входа в зал фотографии актеров, режиссеров, художников БДТ. Слева уникальные запечатления основателей БДТ – А. Блока, Ю. Юрьева, а с ними – исполнителей и постановщиков, сценаристов, оформлявших первые премьеры театра. Справа портрет Георгия Александровича Товстоногова, чье имя ныне носит театр, а еще – фотография, зафиксировавшая то, что в товстоноговскую эпоху ежедневно происходило перед театром на протяжении более трех десятилетий: нескончаемая очередь по набережной, вдоль



Pro настоящее



Костюмы к спектаклям
«Генрих IV», «История
лошади», «Ханума»

фасада, в кассу театра. И фотографии репетиций, узнаваемые лица и фигуры актеров Е. Копеляна, К. Лаврова, С. Юрского, З. Шарко, Л. Макаровой, Т. Дорониной; режиссеров Л. Додина, Т. Чхеидзе, художника Э. Кочергина и нового художественного руководителя театра А. Могуцкого.

В свое время создание БДТ стало духовным ответом петербургской интеллигенции революционной эпохе, суровому времени военного коммунизма. Александр Блок, назначенный председателем Дирекции театра, строил репертуар из произведений высокой классики, в которой новый театр искал ответы на болевые вопросы современности. Идеальный образ революции, взлелеянной русской интеллигенцией серебряного века, имел мало общего с ее реальным воплощением. Первые три сезона театр всматривался в роковые обстоятельства бытия героев Шекспира и Шиллера, постигал загадки их трагических судеб, пытаясь соотнести их с происходящим в России. У истоков БДТ, наряду с прекрасными актерами Н. Монаховым, Ю. Юрьевым, В. Максимовым, Н. Комаровской, стояли и замечательные

театральные художники объединения «Мир искусства» М. Добужинский и А. Бенуа – он представлен на выставке эскизами костюмов и декораций к «Женитьбе Фигаро» (1926). Рядом с ними в экспозиции созданное архитектором В. Шуко оформление первого спектакля театра «Дон Карлос» (1919) и мощно-экспрессивные декорации к «Борису Годунову» (1923) К. Петрова-Водкина.

С приходом в театр К. Хохлова репертуарная политика БДТ меняется, на сцене появляются спектакли по произведениям современных европейских авторов. Классику сменяет современность. Основным стилевым направлением становится экспрессионизм. Начало этой линии дал спектакль по пьесе немецкого драматурга Г. Кайзера «Газ» в оформлении Ю. Анненкова, представленный эскизом декорации и фотографией одного из персонажей в костюме с удивительными футуристическими элементами.

Ученики Петрова-Водкина В. Дмитриев и Л. Чупятов создали острые экспрессионистские декорации к спектаклям «Корона и плащ» (1924) и «Доходное место» (1934). Их работы

Выставки

соседствуют с лаконичной и мощной установкой М. Левина к спектаклю «Джой-стрит» (макет и эскиз декорации, 1932), трагически насыщенным эскизом А. Тышлера к «Ричарду III» (1935). А рядом – неожиданное по дерзости эксцентрическое, упоительно озорное решение костюмов и декораций Н. Акимова к спектаклю «Сэр Джон Фальстаф» (1927) и легкое, исполненное в стилистике ар деко оформление В. Рындина к «Заговору чувств» (1929).

В диалоге двух эпох созданные через полвека, сдержанные в визуальных средствах спектакли Г. Товстоногова подчеркивают и оттеняют стилевое и формальное разнообразие спектаклей 1920–30-х гг. Рассказ об эпохе Товстоногова начинается спектаклем «Идиот» (1966) в оформлении М. Лихницкой. Хронология в экспозиции нарушена сознательно, оправдана логикой эмоционального впечатления. Воспоминанием о спектакле стали эскиз декорации и два эскиза костюмов – красно-алое платье Настасьи Филипповны и серо-горчичный плащ князя Мышкина, фотография Смоктуновского-Мышкина в главной роли и наконец, сам этот плащ, как бы материализовавшийся, возникший из нашей памяти. Кажется, что складки ткани сохранили очертания фигуры актера, рождают иллюзию его присутствия. Это же ощущение возникает

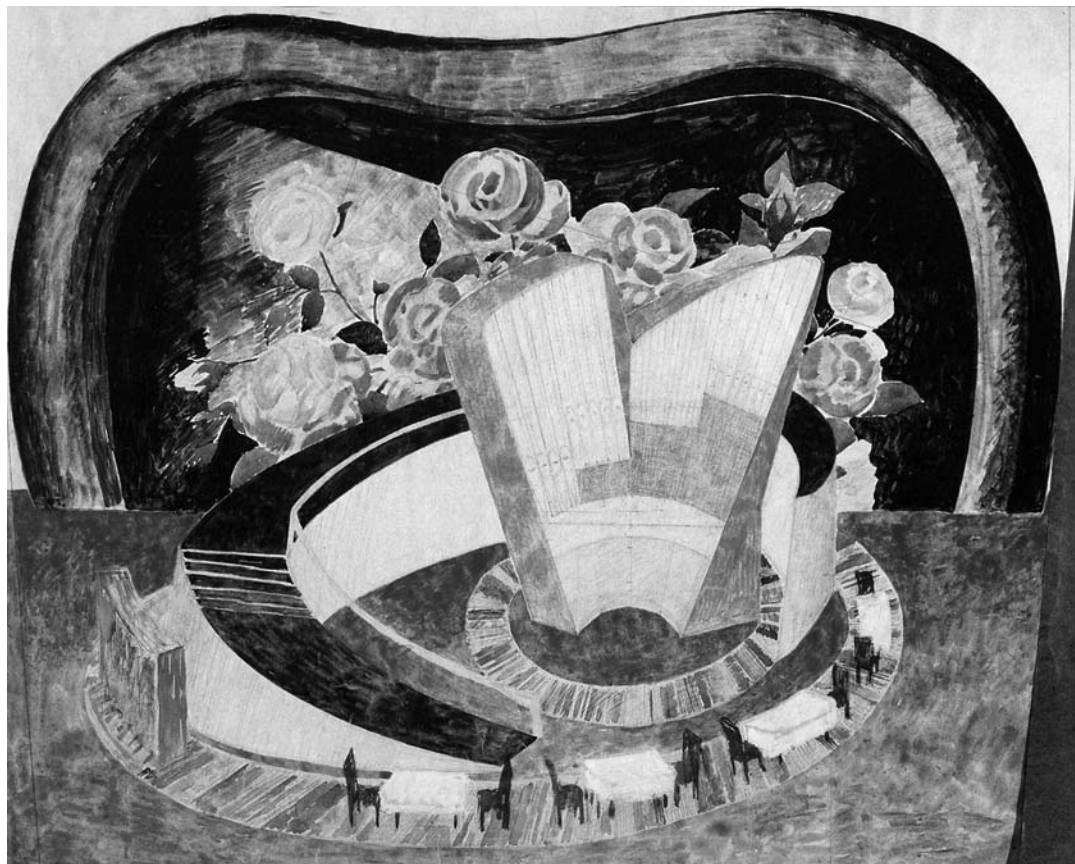
и от винно-красного платья Т. Дорониной – Маши из «Трех сестер» (художник С. Юнович), и от затейливо-праздничного костюма свахи Ханумы (художник И. Сумбаташвили), и от кольчуги Короля – С. Юрского из «Генриха IV» (художник Э. Кочергин). Реальность костюма как бы оживляет фотографии сцен спектакля и эскизы декораций. Последовательное использование этого приема подводит к центральной инсталляции выставки, посвященной спектаклю «История лошади» (1975). Расположенная в центре зала, она стала доминантой, связующим звеном выставки. Очевидно, что классический спектакль, поставленный Товстоноговым в оформлении Кочергина, одна из вершин режиссерского и актерского мастерства БДТ и нашего российского отечественного театра, – вобрал в себя и авангардные достижения 1920–30-х, и сценикографические открытия 1970-х.

Действо о спектакле «История лошади» развернуто на фоне торцовой стены музейного зала, задрапированной грубым холстом. На его шероховатой плоскости – фото из спектакля, эскизы декорации и костюмов. Внизу на полу, как когда-то в спектакле, – деревянные долбленые ясли с зернами овса. Сценические одежды Е. Лебедева – Холстомера и Л. Ковель – Матье вынесены к центру зала, а между ними помещен



Э. Кочергин.
Эскиз костюма
Генриха IV к спектаклю
«Король Генрих IV», 1969.
Санкт-Петербургский
музей театрального
и музыкального
искусства

А. Тышлер.
Эскиз костюма
Ричарда к спектаклю
«Ричард III», 1935.
Музей БДТ имени
Г.А. Товстоногова,
Санкт-Петербург



макет спектакля. В нем материализован эскиз, висящий в глубине зала, и его трехмерность «узаконивает» эфемерную реальность воспоминаний о великом спектакле.

Макет Кочергина к «Холстомеру» и макет М. Левина к спектаклю «Джой-стрит» роднит мощная волевая образность решения. Фактуры – в одном случае красных кирпичных стен, пречеркнутых зигзагами черных пожарных лестниц, и бугристой поверхности грубого холста, окружающие сценическое пространство, говорят о жестокой невозможности для человека изменить это пространство, выбраться за его пределы, обрести свободу.

Второй зал выставки пульсирует новыми ритмами, свидетельствуя о разнонаправленности творческих поисков театра в 1960-е – 1980-е годы: от «Карьеры Артура Уи» (1963) польского режиссера Э. Аксера в оформлении

Л. Чупятов.
Эскиз декорации к спектаклю
«Доходное место», 1933.
Музей БДТ имени
Г.А. Товстоногова,
Санкт-Петербург

Э. Старовойской и К. Свинарского, «Игры в карты» (1980) Товстоногова в декорациях Д. Боровского, «Дяди Вани» (1982) Товстоногова и Кочергина – до лучших постановок посттовстоноговского времени: «Коварство и любовь» (1990) Т. Чхеидзе и Г. Алекси-Месхишвили, «Вишневый сад» (1993) А. Шапиро и Кочергина, «Аркадия» (1998) в постановке эстонского режиссера Э. Нюганена и оформлении Кочергина, «Федра» (2000) Г. Дитятковского и М. Азизян, «Перед заходом солнца» (2000) Г. Козлова и художников А. Орлова и И. Чередниковой.

Экспозиция утверждает возможность и право в одном театре говорить на многих стилистических языках. Цепь столь разных спектаклей выстраивается в повествование о непрерывающихся художественных исканиях Большого Драматического. Вершина этой части выставки – один из лучших спектаклей прошлого века – «Кроткая» (1981) Л. Додина в сценографии Кочергина с Олегом Борисовым в роли Ростовщика. Автор проекта Н. Хмелева выделила эту постановку с помощью удачно найденного, оригинального приема: в темную пустую деревянную раму из-под зеркала помещена фотография Борисова в спектакле на фоне того же самого зеркала. Это отражение-отражения героя в зеркале и на фотографии трагически и странно способствует рождению иллюзорной реальности, воскрешает сумеречную атмосферу спектакля.

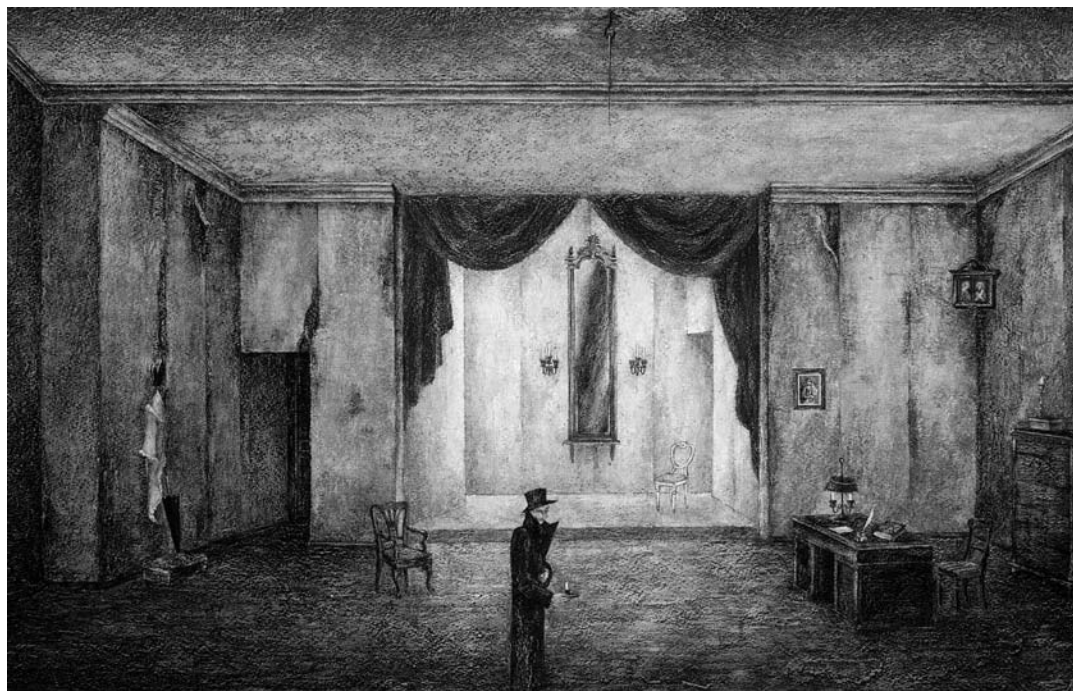
Финальная точка экспозиции – вернее, многоточие: эскизы и фотографии первой работы худрука театра А. Могучего – «Алиса». Следующая страница в истории театра, предстоящие поступления в собрание музея...

P.S.

Грустные размышления у музейного подъезда.

Завершилось наше путешествие по выставке. Она из разряда редких, почти уникальных. Театральные музеи и собрания принято по странному недомыслию относить к маргинальным, малоценным. На нашей памяти только два театра добились возможности показать свои собрания широкой публике, для этого понадобились внушительные юбилейные даты – 225-летие Большого театра и равная дата Мариинского театра были отмечены грандиозными выставками в московском Манеже и в Мраморном дворце Санкт-Петербурга. Увиденные на них художественные богатства удивили не только рядовых зрителей, но и профессионалов. Вскоре, впрочем, потрясение сменилось забвением, интерес к театральным музеям потух.

Э. Кочергин.
Эскиз декораций к спектаклю «Кроткая», 1981.
Литературно-мемориальный музей им. Ф.М. Достоевского, Санкт-Петербург



В последние годы наметилась и осуществляется страшная для театральной культуры тенденция уничтожения притеатральных музеев. Не секрет, что в современной экономической ситуации трудно существовать и самим театрам, добиваться финансирования новых постановок. Директора и худруки экономят на всем; закрываются декорационные, столярные, бутафорские, пошивочные мастерские... Можно пересчитать по пальцам коллективы, в которых остались эти цеха, необходимые подлинно культурной, художественной сцене. Статус притеатральных музеев Министерством культуры до сих пор не определен, для них не предусмотрены ставки в штатном расписании театров. Парадоксально, но какое-то время это обстоятельство музеи спасало (один или два сотрудника, получающие мизерные зарплаты, администрацию не волновали). Но постепенно руководители театров ужесточили режим экономии, хотя не всегда экономия была решающим аргументом их действий. В отличие от Южина, Станиславского, Немировича-Данченко, Мейерхольда, Вахтангова, Таирова, Лобанова некоторые лидеры не видят смысла в собирательстве и сохранении творческого наследия коллективов, в которых работают. Сиюминутная выгода для них важнее сохранения наследия, а в результате в театрах страны (обе столицы тут не исключение) происходит уничтожение артефактов театрального искусства. Кому-то покажется странным сокрушаться по фотографиям, эскизам, макетам, режиссерским экземплярам пьес, записям репетиций, когда повсеместно в угоду чистогану уничтожаются архитектурные шедевры. Увы, катастрофы случаются не только в области архитектуры! Разрушению подвержена вся наша национальная культура, в том числе и театральное наследие.

Театры Франции, Германии, Англии, Италии обладают великолепными, систематизированными музейными собраниями, многие из них насчитывают не одно столетие. У нас подобными собраниями могут похвастаться – наряду с Большим театром, МХТ, Мариинским, ярославским Театром драмы им. Ф. Волкова, – немногие коллективы. Печально, но их становится все меньше.

